

РОКСИ НОКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БЕЛОСНЕЖКА для горного орла

Рокси Нокс

Белоснежка для Горного орла

«Автор»

2026

Нокс Р.

Белоснежка для Горного орла / Р. Нокс — «Автор», 2026

— У нас женщины так не ходят, Белоснежка, — ледяной голос горца обжигает сильнее полуденного солнца. — А у нас в Сибири девять месяцев зима, — парирую ему в ответ. — Я заслужила солнце и имею право носить хоть шорты, хоть ничего! Я прилетела на Кавказ после предательства, надеясь отогреться и подлечить раны. Но нарвалась на Шамиля — нелюдимого горца с темным прошлым и свирепым орлом на плече. Он решил сбить с меня спесь: украл средь бела дня и увёз в неприступную каменную башню над пропастью. Только сибирский характер так просто не сломить. Наше противостояние быстро превратилось в запретную, сносящую крышу страсть...

© Нокс Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Белоснежка для Горного орла

Глава 1

Запах чужих приторных духов бьет в нос еще в прихожей. Клубника со сливками. Дешевая, химозная дрянь за пять копеек.

Стою на пороге, медленно стягивая куртку, и перевожу взгляд на пол.

Рядом с моими практичными ботинками на рифленной подошве сиротливо жмутся розовые замшевые ботильоны на шпильке. Сорок первый растоптанный размер.

Ошибиться невозможно. Такие на весь механический цех носит только одна особа – Анжелочка из отдела снабжения. Та самая, которая на каждой планерке хлопает наращенными ресницами и жалуется, что от звука штамповочного пресса у нее «мигрень в височках».

Из спальни доносится сдавленный стон, следом – скрип дивана, на который мы, между прочим, три месяца копили совместными усилиями.

– О-о-о, Игорь... ты такой ненасытный зверь...

Зверь? Мой жених Игорь – ведущий экономист с легким сколиозом и аллергией на пылью. Последний раз он проявлял повадки зверя, когда в столовой перед ним забрали последний кусок мятая.

Я не чувствую боли. Нет комка в горле, нет слез. Я ощущаю раздражение и сибирскую злость. Пять лет борщей, глаженных брюк и разговоров о том, что «вот закроем кредит за авто, тогда и распишемся».

Не спеша иду на кухню. Беру из сушилки тяжелую чугунную сковороду. Возвращаюсь в коридор, толкаю дверь в спальню ногой в шерстяном носке и с грохотом бью дном сковороды по косяку.

Бум!

Звук выходит внушительный, почти как на родном штамповочном участке.

– А-а-а-й! – Анжела с визгом дергает на себя простыню, сбивая напольный торшер.

Игорь слетает с кровати, путаясь тощими ногами в пододеяльнике, и с глухим шлепком приземляется на ковер. На нем только черные носки и выпученные от ужаса глаза.

– Лиля?! – хрипит он, судорожно прикрывая пах подушкой с вышитыми лавандовыми цветочками. – Ты же... смена до восьми! В журнале стояло!

– Внеплановая ревизия, дорогой, – прислоняюсь плечом к дверному проему и скрещиваю руки на груди. – На производстве это называется выборочный контроль качества. И, судя по всему, твой узел трения проверку не прошел. Слишком много брака на единицу изделия.

– Лилечка, это не то, о чем ты подумала! – привычно заводит он шарманку, пятясь голым задом к шкафу.

– Да брось, Игорь. С фантазией у меня порядок, но здесь даже додумывать ничего не надо, – перевожу взгляд на Анжелочку, которая пытается зарыться лицом в матрас. – Привет, Анжел. Слушай, а у тебя накладные по легированной стали за прошлый вторник подписаны? А то ты так усердно работаешь сверхурочно, боюсь, отчетность пострадает.

– Лиль, не надо скандалов... – пищит любовница из-под простыни. – Мы просто... мы давно любим друг друга! Ты сухая! Ты железная! Ты мужика в нем не видишь!

– Конечно не вижу, – искренне соглашаюсь я. – Откуда ему там взяться? Но спасибо за честность, Анжела. Дарю тебе мужика без боя. Пользуйся, только инструкцию по эксплуатации не забудь: кормить строго теплой кашей, при сквозняках кутать шею, а зарплатную карту сразу забирай, иначе в первый же день спустит на компьютерные игрушки.

Игорь идет пятнами от шеи до макушки. Он думал, что я кинусь таскать разлучницу за обесцвеченные пряди, буду бить посуду и умолять его остаться? Но я мастер участка ОТК,

через мои руки в день проходят тонны бракованных деталей. Бракованных просто списывают в утиль. Без лишних сантиментов.

Стягиваю с безымянного пальца тонкое золотое колечко с крошечным фианитом. Подхожу к Игорю, который вжимается в стену, и резким щелчком отправляю кольцо прямо ему в лоб.

Щелк.

– Свободен!

Разворачиваюсь, иду в гардеробную и достаю большой дорожный чемодан. Он уже наполовину собран – отпуск у меня с понедельника, мы собирались ехать к его маме, помочь с ремонтом. Слава богу, Господь отвел от этого подвига.

Сгребаю свои вещи: любимые футболки, летний сарафан, джинсы, короткие джинсовые шорты, которые Игорь всегда нудно требовал сдать обратно в магазин («Лиля, тебе почти тридцать, неприлично сверкать ляжками!»). Сверху летит косметика, паспорт и банковская карта.

Через пятнадцать минут я уже стою в прихожей с застегнутым чемоданом. Из спальни робко выглядывает Игорь, натянув треники задом наперед.

– Лиль... А куда ты пойдешь? Ночь на дворе, на улице ноль градусов...

– В тепло, Игорек. В тепло пойду. Квартира оплачена до конца месяца, живите, голубки. Ключи на тумбочке.

Выхожу в подъезд, вдыхаю воздух и вызываю такси до аэропорта. Руки слегка подрагивают – адреналин все-таки догоняет, – но на губах сама собой расплзается шальная улыбка.

В машине достаю телефон и открываю приложение с горящими турами.

Таиланд – долго лететь и паспорт загран надо искать. Турция – скучно. Взгляд цепляется за яркую фотографию: ослепительно-синее небо, изумрудные склоны и белоснежные зубцы вершин, вспарывающие облака.

«Северный Кавказ. Горы, солнце, древние тайны ущелий. Вылет сегодня ночью».

Всю жизнь я прожила среди серых заводских корпусов, бесконечной зимы и тяжелых пуховиков. Я заслужила солнце. Заслужила увидеть настоящие, дикие горы, о которых читала еще девчонкой.

– Оплатить, – нажимаю кнопку пальцем.

Прощай, морозный Красноярск! Привет, Кавказ! Белоснежка едет греться.

Глава 2

Гостиница в курортном поселке оказывается на удивление уютной: резные деревянные балконы, увитые диким виноградом, запах свежей выпечки и вид на заснеженную шапку горы прямо из окна.

На ресепшене меня встречает хозяин – представительный мужчина по имени Аслан с пышными усами и цепким взглядом.

– Добро пожаловать, красавица! – рокошет он, принимая мой паспорт и задерживая пальцы на моих чуть дольше положенного. – Одна приехала? Ай, какая несправедливость! Такой цветок – и без охраны. Вечером у нас шашлык во дворе, форель на углях. Сам лично тебя угощу, расскажу легенды наших предков...

Мысленно закатываю глаза.

«Пошли все мужики нафиг! Строем, строим и с песней!»

Сыта ими по горло. Сначала один пять лет высасывал мозг чайной ложечкой, теперь тут местные джигиты готовы распушить павлиньи хвосты. Не хочу!

– Спасибо за заботу, Аслан, – с предельно вежливой и замораживающей улыбкой отвечаю я. – Но я сыта дорожным пайком, а легенды предпочитаю читать в Википедии. Мне бы ключ от тринадцатого номера и тишины.

Хозяин озадаченно моргает, явно не привыкший к такому сухому отпору, но ключ отдает.

В номере первым делом распаиваю чемодан. На термометре за окном – плюс двадцать три. После нашего сибирского дубака это абсолютный рай. Долой свитера, долой колготки с начесом!

Натягиваю те самые короткие джинсовые шорты, простую футболку на бретельках и удобные кеды.

В зеркале отражается хулиганка: светлая, почти фарфоровая кожа, копна волос, собранная в небрежный узел, и глаза, в которых наконец-то загорелся шальной огонек свободы.

Экскурсии? Автобусы с толпой орущих туристов и гидом с мегафоном? Ну уж нет. Сибирячки медведей в тайге не боятся, неужели я в курортном поселке потеряюсь?

Закинув за плечо легкий рюкзачок, выхожу навстречу южному ветру.

Воздух здесь такой, что его хочется резать ножом и намазывать на хлеб. Горный, пряный, пахнувший соснами, сухими травами и свободой.

Я шагаю по залитой солнцем каменистой улочке, ведущей к старому подвесному мосту над бурной рекой, и буквально каждой клеточкой кожи впитываю ультрафиолет.

И тут дорогу мне заслоняет тень.

Широкая, массивная, будто кусок скалы откололся и упал прямо передо мной.

Я едва не врезаюсь в широченную грудь, обтянутую темной рубашкой из грубой ткани. Задираю подбородок.

Ого!

Мужчина передо мной выглядит так, словно только что сошел со старинной гравюры: смоляные жесткие волосы, резкие скулы, темная трехдневная щетина и хищный нос.

Но самое ошеломляющее – это его плечо. На толстой кожаной краге, закрывающей предплечье, сидит огромная, свирепого вида птица с янтарными глазами и острым загнутым клювом. Настоящий горный орел.

Хищник смотрит на меня, мужчина будто сквозь меня. Взгляд тяжелый и обжигающий льдом.

– Фотографироваться с птицей не буду, – брякаю я.

– У нас женщины так не ходят, Белоснежка, – ледяной голос горца обжигает сильнее полуденного солнца. Низкий, бархатный баритон с едва уловимым гортанным акцентом.

Я даже бровью не веду. У меня на заводском участке двадцать мужиков-слесарей с похмеля рычали пострашнее, пока я им план работы выдавала.

– А у нас в Сибири девять месяцев зима, – парирую я, уперев руки в бока и даже не думая прикрывать открытые ноги. – Я заслужила солнце и имею полное право носить хоть шорты, хоть... ничего.

Горец слегка прищуривается. В глубине его черных глаз вспыхивает опасная искра. Кажется, ему в жизни никто не дерзил в подобном тоне. Орел на его руке нетерпеливо переступает когтистыми лапами, расправляя полуметровое крыло.

– Мой Акбарс таких шумных не любит, – негромко роняет горец, даже не шелохнувшись. – Пару движений крылом – и от твоих коротких шорт останется только воспоминание.

– Передай своему пернатому другу, что я десять лет работаю на заводе тяжелого машиностроения, – горделиво задираю подбородок. – Я видела, как взрываются гидравлические прессы, и знаю, как утихомирить пьяного токаря с разводным ключом в руках. Так что твоя курица-переросток меня не впечатляет.

Уголок его четко очерченных губ едва заметно дергается. Насмешка? Или раздражение?

– Курица? – он делает бесшумный шаг вперед, сокращая дистанцию. – Чтоб ты понимала, женщина! Это беркут. Он берет волка на скале. А ты для него – легкая добыча на один клевок. Белая, громкая и... слишком горячая.

– Я тебе не «женщина», джигит, – прищуриваюсь, не отступая ни на миллиметр, хотя его двухметровая тень накрывает меня целиком. – У меня имя есть: Лилия Сергеевна. Инженер первой категории. Так что спрячь свой орлиный пафос, отойди с тропы и не загораживай мне ультрафиолет. Я загореть хочу!

Мужик оглядывает меня сверху вниз. Медленно. Тяжело. Взгляд задерживается на моих ключицах, спускается к талии, скользит по бедрам и возвращается к глазам. От этого неспешного сканирования внутри почему-то вспыхивает предательская, обжигающая волна.

– Инженер, значит, – его голос понижается на полтона, становясь опасно-бархатным. – Чертежи читаешь, железом командуешь. А элементарных законов физики не знаешь.

– Это каких же? – фыркаю я.

– В горах нельзя шуметь, чтобы не спровоцировать камнепад, – он наклоняется чуть ближе, так что его горячее дыхание касается моей щеки. – И нельзя стоять перед голодным хищником без защиты.

– Это вы себя или орлика имеете в виду? Кто из вас голоден? По виду оба.

Беркут на его плече тихо клекочет, словно оценивая расклад.

Горец молчит пару секунд, вперившись в меня своим тяжелым, гипнотическим взглядом, в котором сквозь холодный гранит вдруг пробивается мужской азарт:

– Дерзкая, – усмехается он, и в этой короткой усмешке читается такой вызов, от которого воздух между нами буквально начинает плавиться.

– Какая есть, – не сдаюсь я. – Местной сборке не подлежу. Так что, пропустишь?

– Пропущу. Только предупреждаю, инженер: в этих горах чужой устав не работает. А за дерзость и непослушание здесь спрашивают строго.

– Ну давай, покажи свою строгость, горец, – бросаю я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле от чистейшего адреналина. – Только потом не жалуйся, когда твоя папаха на верхушку ближайшей сосны улетит!

Орел тихо клекочет, словно понял весь наш разговор, а я чувствую между лопаток сверлящий взгляд незнакомца. Но спину держу прямо. Сибирская порода: даже если внутри все на секунду замерло от дикой мужественности этого великана, наружу – только насмешливое спокойствие.

Следующие три часа я провожу в абсолютном блаженстве.

На крошечном местном базарчике покупаю невероятно сладкий белый инжир, истекающие соком персики и пастилу. Женщина в пестром платке щедро отсыпает мне грецких орехов и качает головой:

– Ай, дочка, одна не ходи к вечеру за реку, там ущелье дикое, волки бродят.

«Волков бояться – на завод не ходить», – весело думаю я, уплетая персик прямо на ходу.

День клонится к вечеру. Горы на горизонте окрашиваются в кроваво-золотые и лиловые тона. Становится свежо, с вершин тянет прохладой. Я уже возвращаюсь к гостинице по пустынной тропе, идущей вдоль старого яблоневого сада, наслаждаясь тишиной и собственным гордым одиночеством.

Как же хорошо без нытья Игоря! Без его вечного: «Лиля, подай, принеси, почему суп недосолен».

Внезапно стрекот цикад заглушает низкий рокот мощного мотора.

Из-за поворота, поднимая клубы пыли, вылетает идеально ухоженный внедорожник без опознавательных знаков. Машина резко тормозит в двух метрах от меня, перекрывая узкую дорогу.

Дверь распахивается.

Из салона выходит он. Тот самый горец. Только теперь без орла, в темной куртке, и взгляд его не оставляет никаких иллюзий насчет мирных намерений.

– Ну что, Белоснежка, – негромко говорит он, неторопливо надвигаясь на меня. – Солнце село, и твоя морозная закалка закончилась?

– Вы что, маньяк местный? – инстинктивно пячусь, сжимая в руке плотный пакет с остатками инжира как единственное доступное оружие. – Отойдите, или я сейчас полицию вызову!

– Вызывай, – спокойно усмехается он углами жестких губ. – Ближайший участок в райцентре, сорок километров по серпантину. Пока доедут – рассвет встретим.

Делаю резкий выпад, пытаюсь обогнуть его справа и рвануть к поселку, но горец двигается со сверхчеловеческой скоростью.

Железные пальцы перехватывают мои запястья. Я дергаюсь, пытаюсь врезать ему коленом – сказываются уроки самообороны, – но он легко блокирует удар бедром, прижимает меня к своему каменному торсу и буквально в одно движение вздергивает на воздух, перебрасывая через широкое плечо, как куль с мукой!

– Эй! Отпусти, придурок! Пусти, или я тебе глаза выцарапаю! – ору во всю глотку, колотя кулаками по его мускулистой спине. Мои удары для него – что дробь для слона. Пакет с инжиром падает в пыль.

– Тише, женщина, – звенит его голос, в котором неожиданно сквозит мрачное веселье. – Орла моего напугаешь, он в багажнике, и не любит крикливых, как я уже говорил.

Мерзавец открывает заднюю дверь, без церемоний опускает меня на кожаное сиденье, тут же захлопывает замок и сам прыгает за руль.

Центральный замок щелкает – *клац*. Двери заблокированы.

Мотор глухо взрывается, внедорожник срывается с места и устремляется прямо в чернеющую пасть горного ущелья.

Тяжело дышу, поправляя растрепанные волосы, и уставляюсь в зеркало заднего вида. В нем отражаются насмешливые, угольно-черные глаза похитителя.

– Ты хоть понимаешь, что это статья? – сиплю, пытаюсь унять бешеный пульс. – Похищение человека! До двенадцати лет строгого режима!

Горец лишь плавно выворачивает руль на крутом вираже:

– Меня зовут Шамиль, Белоснежка. Запоминай, тебе в моей башне еще долго жить придется. У нас в горах дерзким невестам сначала показывают небо, а потом учат варить правильный чай.

– Какая я тебе, к черту, невеста?! – задыхаюсь от возмущения. – Я инженер по контролю качества! Я тебя сама на запчасти разберу!

В глубине багажника из накрытой темной тканью клетки доносится одобрителный клеткот беркута.

Похоже, мой отпуск перестает быть просто отдыхом. И начинается форменное безумие...

Глава 3

Внедорожник ревет на пониженной передаче, взбираясь по узкой, осыпающейся каменистой грунтовке. За окном чернильная тьма, резкие силуэты сосен и редкие вспышки фар, выхватывающие пустоту обрыва.

Наконец машина тормозит на крошечном плато, зажато между двумя исполинскими скалами.

Шамиль глушит двигатель. В наступившей тишине слышно лишь ровное потрескивание остывающего мотора да где-то далеко внизу грозный гул горной реки.

– Приехали, Белоснежка. Выходи, – в его голосе слышится непререкаемая власть хозяина этих мест.

Он выходит первым, достает из багажника легкую дорожную сумку и накрытую клетку с орлом, затем открывает мою дверь. Я вылезаю наружу, готовая драться, бежать или орать, но слова застревают в горле.

Я задираю голову.

Прямо передо мной вырастает древняя башня из серого неотесанного камня. Она уходит в черное звездное небо этажей на пять, сужаясь кверху, суровая, неприступная, словно выросшая прямо из скальной породы сотни лет назад.

В узких окнах-бойницах пляшут отблески теплого света – внутри явно топится очаг. Пахнет сухим чабрецом, дымом березовых поленьев и... вечностью.

– С ума сойти... – шепчу себе под нос, забыв на секунду про похищение. Как инженер, я не могу не оценить кладку: идеальная подгонка многотонных валунов без всякого цемента, строгая геометрия, идеальный баланс. Это вам не панельки в спальном районе.

Но гордость берет верх. Я поворачиваюсь к Шамилю, скрестив руки на груди:

– Экскурсия впечатляет, конечно. А теперь выкладывай начистоту: чего ты от меня хочешь? Денег? За меня выкуп некому платить, а я на зарплату живу, если что.

Шамиль ставит клетку с орлом на каменный выступ у входа, неторопливо снимает кожаную куртку и поворачивается ко мне. В полумраке его фигура кажется еще шире, а глаза блестят насмешливым огнем.

– Денег у меня самого хватает, – роняет он, подходя вплотную так, что мне приходится задрать подбородок. – А тебя хочу я научить кротости, Белоснежка. Слишком много дерзости в твоём голосе. Горные ветры такое быстро выдувают. Для начала – снимай шорты.

Мои глаза распахиваются от возмущения. Кровь приливает к щекам, кулаки сжимаются сами собой:

– Что?! Раздеваться перед тобой?! Да пошел ты к черту, горец недоделанный! Что ты себе вообще позволяешь?! Я закричу, я камнем тебе голову проломлю, но тронуть себя не позволю!

Шамиль молча слушает мою тираду, и в уголках его губ проскальзывает еле заметная тень усмешки. Он лезет в сумку, достает оттуда плотные походные брюки из непродуваемой ткани и швыряет их мне в руки.

– Шуму много, да толку мало, – спокойно отзывается он. – Я веду тебя на самый верх башни. Там древняя каменная винтовая лестница со ступенями, которые осыпались еще при моих прадедах, и смотровая площадка на краю скалы. В твоих ниточках ты все коленки в кровь раздерешь, а потом будешь ныть. Надевай штаны. Быстро.

Стою с этими дурацкими брюками в руках, чувствуя, как лицо заливают краска – теперь уже от смущения. Черт. Опять я со своими заводскими рефлексамися полезла на рожон, а он... просто подумал о моей безопасности и комфорте?

– Отвернись хотя бы, джигит, – бурчу, прячась за открытую дверцу машины.

Шамиль фыркает, демонстративно отворачивается и берет клетку с птицей.

Я торопливо стягиваю кроссовки, натягиваю брюки прямо поверх шорт. Они велики мне в талии, но плотная ткань приятно греет озябшие на горном ветру ноги, а кулилка на поясе позволяет затянуть их потуже.

– Готово, – бурчу, выходя из-за машины.

– Уже лучше, – оценивает он мой вид, и в его взгляде на секунду проскальзывает что-то обжигающе-теплое. – Иди за мной. Да под ноги смотри и за стены держись.

Внутри башни царит полумрак, разгоняемый подвесными фонарями и жаром огромного очага на первом ярусе. Но Шамиль не останавливается. Он открывает узкую деревянную дверь, за которой начинается крутая спираль каменных ступеней, уходящих ввысь.

Мы поднимаемся все выше и выше. Воздух становится свежее, прохладнее, пока наконец он не толкает тяжелую дубовую створку люка на последнем уровне.

Делаю шаг на открытую смотровую площадку – и буквально перестаю дышать.

Над головой – не просто небо, а гигантский купол из миллиона алмазных звезд, таких ярких и близких, что кажется, протяни руку – и обожжешь пальцы.

А вокруг...

Вокруг во все стороны раскинулся океан острых горных хребтов, укутанных белыми папахами ледников. Внизу в пропасти вьется серебряная лента реки, а ветер поет в зубьях древней башни старую дикую песню.

Это настолько величественно, мощно и красиво, что у меня сжимается сердце. Все мои городские обиды, измена Игоря, серые будни, заводская копоть – все это кажется такой ничтожной, жалкой пылью по сравнению с этим вечным величием.

– Господи... – вырывается у меня против воли. Глаза слегка щиплет от восторга. – Какая красота...

– Это земля моих предков, – негромко звучит мужской голос за моей спиной.

Я оборачиваюсь, чтобы сказать что-то язвительное, но слова тают.

Шамиль стоит в шаге от меня. Ветер взъерошивает его короткие волосы, делая черты лица еще более хищными и мужественными. В полумраке его глаза кажутся бездонными колодцами, полными какой-то невысказанной боли, затаенной тоски и силы. Он как эта башня – неприступный, одинокий и дикий.

И этот мужчина сейчас смотрит только на меня. Не как Игорь, оценивающий удобство быта, а как хищник, нашедший свое самое редкое сокровище.

Он делает шаг вперед.

Его сильные и горячие ладони ложатся мне на талию, мгновенно прожигая ткань чужих брюк. Второе движение – и он плавно, но властно притягивает меня к своей широкой каменной груди.

– Эй... стой... – мой голос звучит жалко и неуверенно, совсем не по-сибирски.

Я должна оттолкнуть его. Должна влить пощечину за наглость. Но мое тело предает меня: от его тепла, от пряного аромата можжевельника и кожи по телу бежит мелкая, электрическая дрожь. В нем столько нерастроченной страсти и какой-то трагической тайны, что сопротивляться просто нет сил.

Шамиль наклоняется ниже, и его дыхание опаляет мою шею у самого уха:

– Говорила, имеешь право ходить голой? – шепчет он низким, вибрирующим баритоном, от которого подгибаются колени. – Начинай прямо сейчас. Я не против.

Глава 4

Его губы накрывают мои, не спрашивая разрешения. Это не сухое прикосновение, к которым я привыкла за пять лет предсказуемых отношений с Игорьком, а настоящий шторм.

Горячий, властный поцелуй с привкусом терпкого горного воздуха и опасности.

Шамиль проникает языком глубоко, исследуя каждый уголок моего рта, и я чувствую, как низ живота сжимается от этого наглого и уверенного вторжения.

У меня кружится голова. Воздуха на высоте и так не хватает, а рядом с этим мужчиной легкие будто вообще отказываются работать. Я должна оттолкнуть его и напомнить про личные границы... Но вместо этого пальцы сами впиваются в его широкие плечи, сжимая плотную ткань рубашки.

Отвечаю на поцелуй жадно, с накопившейся за долгие сибирские месяцы тоской по живому и настоящему теплу.

Его горячая ладонь скользит вниз по позвоночнику и властно ложится на ягодицу, прижимая меня к себе вплотную. Он сжимает ее грубо, почти болезненно, и между моих ног становится влажно от этой жесткой, присваивающей ласки.

Через слои ткани отчетливо чувствую его сокрушительную, мужскую силу. Уму непостижимо, как сильно этот каменный горец желает меня прямо здесь и сейчас! Это почему-то не пугает. Наоборот, по венам прокатывается обжигающая волна, от которой внизу живота сладко тянет.

К черту прошлое! К черту измены, серый завод, вечные обязательства и страх показаться легкомысленной. Я слишком долго была правильной, надежной и удобной для всех.

Один раз живем!

Мысль вспыхивает в голове шальной молнией.

Прервав поцелуй, перевожу дыхание. Смотрю в горящие глаза Шамиля, отступаю на полшага и спускаю вниз чужие брюки.

Затем свои шорты. Мои пальцы дрожат от нетерпения, когда я сталкиваю их с бедер и переступаю через них, оставаясь в одних кружевных трусиках, которые уже не скрывают мою влажность.

Как там Анжелочка кричала, что я железная и сухая? Вот прямо сейчас я докажу самой себе, что это не так! Ведь этот мужик меня сюда привез явно не для того, чтобы в шахматы играть. А в другие игры...

– Что ты делаешь, Белоснежка? Раздеваешься?

– Ты же хотел увидеть меня голой...

– Любишь командовать процессом? Или по жизни?

– Я не командую, джигит, – медленно делаю шаг из сброшенных шорт и скрещиваю руки на груди, чуть склонив голову к плечу. Губы сами растягиваются в провокационной и дерзкой улыбке. – Я провожу входной контроль качества. Ты же так гордился своими горными законами. Хочу проверить, у вас только на словах все такие свирепые, или на деле тоже есть чем ответить сибирскому морозу?

Демонстративно провожу пальцем по краю трусиков, чуть оттягивая их.

Шамиль издает глухой, утробный звук – смесь рычания и короткого смешка.

Огрубевшие пальцы тотчас впиваются в мягкую кожу ягодиц почти до боли, притягивая вплотную к его каменному телу. Руки настойчиво стаскивают с меня футболку через голову.

Чувствую через тонкое кружево его горячий, пульсирующий член, который упирается мне в живот, и меня охватывает дрожь нетерпения. Мои соски затвердели, как маленькие камешки, и я вижу, как горец жадно пожирает их через ткань просвечивающегося лифчика.

– Сгоришь ведь, инженер, в моем пламени, – шепчет он мне прямо в приоткрытые губы.
– До углей сгоришь, даже пепла не соберешь.

Его палец скользит под кружево трусиков, находит мой уже скользкий от желания вход и медленно обводит его, не проникая внутрь. Я едва сдерживаю стон.

– Не пугай, горец. На моем участке печи плавления работают при полутора тысячах градусов, – шепчу в ответ, дерзко скользя ладонями по его груди и расстегивая верхние пуговицы его рубашки. Чувствую под пальцами пулеметный стук его сердца. – Меня высокой температурой не испугать. А вот ты... справишься с нагрузкой?

Расстегиваю еще одну пуговицу, и его грудь открывается передо мной – широкая, поросшая жесткими темными волосами. Провожу по ней языком, чувствуя, как он вздрагивает от этого прикосновения.

– Ты нарываешься, Белоснежка, – рычит он, и его рука пробирается к самому эпицентру жара. Его пальцы безошибочно находят влажный, трепещущий клитор, заставляя меня судорожно вздохнуть и закусить губу.

Он кружит по нему, пока я не начинаю извиваться, а потом вдруг погружает палец глубоко внутрь, сгибая его, чтобы нажать на ту самую точку, от которой у меня темнеет в глазах.

Второй палец присоединяется к первому, растягивая меня, и я слышу влажный, неприличный звук, который заполняет ночной воздух.

– Ох как нарываешься. У нас за такую дерзость женщин наказывают.

– Так накажи, – выдыхаю с вызовом, впиваясь ногтями в его напряженные плечи и приподнимаясь на цыпочки, чтобы коснуться губами его колючего подбородка. Я тяну его за кожу зубами, оставляя след, и чувствую, как его пальцы ускоряются внутри меня, доводя меня до грани. – Чего ты ждешь? Официального разрешения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.